

Рыбина Полина Валерьевна,
студентка, МГУСиТ

Научный руководитель:
Плотникова Наталия Сергеевна,
старший преподаватель, МГУСиТ

НРАВСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РЕГУЛЯТОРЫ ВНУТРИСЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК ФАКТОР ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ПОДРОСТКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Представлен теоретический анализ проблемы взаимосвязи нравственно-психологических регуляторов внутрисемейных отношений и духовно-нравственного развития личности в подростковом возрасте. Разграничены конструкты «нравственно-психологические регуляторы», «стиль воспитания», «духовно-нравственное развитие», «родительская рефлексия». Обоснована концептуальная модель, в которой родительская рефлексия (parental reflective functioning) рассматривается как возможный медиатор связи между стилем воспитания и нравственным становлением подростка. Описана операционализация модели для будущего эмпирического исследования.

Ключевые слова: Нравственно-психологические регуляторы, внутрисемейные отношения, духовно-нравственное развитие, подростковый возраст, стиль воспитания, родительская рефлексия, parental reflective functioning, ментализация, привязанность, интериоризация.

Актуальность. Семья остаётся первичным институтом социализации, в котором закладываются нравственные ценности и духовные ориентиры личности. Трансформация семейных норм и ролевой структуры, рост информационной нагрузки и ослабление межпоколенческой передачи ценностей актуализируют вопрос: какие именно механизмы внутрисемейного взаимодействия обеспечивают духовно-нравственное становление подростка?

В отечественной и зарубежной литературе накоплен обширный материал о стилях воспитания (Д. Баумринд), типах семейного воспитания (Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис), детско-родительских отношениях (О.А. Карабанова, А.С. Спиваковская). Вместе с тем остаётся недостаточно прояснённым вопрос о том, почему один и тот же стиль воспитания в разных семьях даёт разный нравственный результат. В качестве возможного ответа рассматривается родительская рефлексия – способность родителя видеть себя глазами ребёнка и понимать его внутренние состояния.

Цель работы – теоретически обосновать роль нравственно–психологических регуляторов внутрисемейных отношений в духовно–нравственном развитии подростка и выдвинуть предположение о mediating–функции родительской рефлексии.

Задачи:

1. Уточнить и разграничить понятийный аппарат исследования.
2. Проанализировать соотношение стиля воспитания и нравственно–психологических регуляторов.
3. Раскрыть содержание конструкта «духовно–нравственное развитие» применительно к подростковому возрасту.
4. Обосновать роль родительской рефлексии как возможного медиатора и описать операционализацию модели.

Методы: теоретический анализ литературы, систематизация, сравнительный анализ

1. Понятийный аппарат исследования

Под нравственно-психологическими регуляторами в работе понимается эмоционально-регулятивный компонент внутрисемейного взаимодействия – совокупность эмоциональных связей, установок и моделей поведения, которые опосредуют передачу нравственного опыта от родителей к ребёнку.

Термин используется как рабочий, в узком значении. Существующие понятия – «эмоциональный компонент детско-родительских отношений» [6], «эмоциональное принятие» [10], «эмоциональная связь» [8] – фиксируют отдельные аспекты, но не объединяют эмоциональный, поведенческий и метакогнитивный компоненты в единую регулятивную систему. Термин не претендует на статус общепринятого и не охватывает ценностно-нормативную сферу семьи в целом.

Выделяются три компонента: эмоциональный (любовь, принятие, эмпатия, поддержка), поведенческий (тактики воспитания, контроль, требования) и когнитивный (представления родителя о ребёнке и о собственном воспитательном поведении).

Регуляторы не тождественны стилю воспитания: стиль – устойчивая совокупность тактик, тогда как регуляторы включают также эмоционально-регулятивный и метакогнитивный аспекты. Они не тождественны и воспитательному потенциалу семьи: последний описывает ресурсные возможности, тогда как регуляторы – действующие механизмы взаимодействия.

1.2. Стиль воспитания

Стиль воспитания – устойчивая совокупность родительских тактик, проявляющихся в эмоциональном отношении к ребёнку, уровне требований и способах контроля.

В литературе выделяют авторитарный, либеральный, демократический (авторитетный) и индифферентный стили. Д. Баумринд [10] показала, что демократический стиль связан с наиболее благоприятными показателями развития ребёнка – ответственностью, эмпатией, моральной зрелостью. Авторитарный стиль формирует агрессивность или неуверенность; либеральный и индифферентный – безответственность и инфантильность.

Модель Р. Шафера [17] описывает родительское поведение через две ортогональные оси: «принятие – отвержение» и «контроль – автономия». Стиль воспитания – объективная характеристика родительского поведения. Однако для нравственного развития подростка не менее значима субъективная сторона – восприятие родительского отношения самим подростком.

1.3. Духовно-нравственное развитие

Духовно-нравственное развитие – осуществляемое в процессе социализации последовательное укрепление ценностно-смысловой сферы личности, формирование способности к нравственному самосознанию и моральному выбору.

В отечественной психологии эта проблематика разрабатывается в русле культурно-исторической традиции (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Д. А. Леонтьев). Нравственное сознание рассматривается как высшая психическая функция, опосредованная знаками и ценностями; ключевым механизмом выступает интериоризация нравственных норм.

Выделяются ценностно-смысловой (система ценностей, смысложизненных ориентаций), морально-этический (способность формулировать нравственные обязательства) и поведенческий (готовность действовать в соответствии с усвоенными нормами) компоненты.

Особенности в подростковом возрасте. Подростковый возраст – сензитивный период становления ценностно-смысловой сферы. Ведущим механизмом развития выступает идентификация с родителями, опосредованная возрастающей ролью «внутренней позиции» самого подростка [6].

1.4. Родительская рефлексия

Под родительской рефлексией понимается способность родителя видеть себя глазами ребёнка и соотносить собственные воспитательные тактики с их субъективным восприятием.

Данное понятие близко, но не тождественно конструкту parental reflective functioning (PRF) – способности родителя представлять ребёнка как движимого внутренними психическими состояниями и рефлексировать собственный психический опыт в связи с взаимодействием с ребёнком. Если родительская рефлексия в отечественной традиции [3] акцентирует рефлексивную позицию родителя, то PRF акцентирует ментализацию. В работе эти понятия используются как взаимодополняющие: PRF рассматривается как операциональный аспект родительской рефлексии.

PRF восходит к теории ментализации П. Фонаги и М. Таргет [13] и операционализируется в исследованиях А. Слейд [18], П. Люйтена и коллег [16]. Высокий уровень PRF связан с надёжной привязанностью ребёнка, адекватным родительским поведением, лучшей регуляцией эмоций у детей. Низкий PRF ассоциируется с тревожными расстройствами у детей и нарушениями эмоциональной регуляции.

Выделяются self-mentalization (рефлексия собственных психических состояний в роли родителя) и child-mentalization (понимание психических состояний ребёнка).

Родительская рефлексия не тождественна эмпатии: эмпатия – эмоциональный отклик, тогда как рефлексия – когнитивно-аффективная способность представлять внутренний мир другого. Она также не тождественна рефлексивности как личностной черте: PRF – специфическая способность, проявляющаяся в родительской роли.

2. Соотношение стиля воспитания и нравственно–психологических регуляторов

Традиционный подход связывает нравственное развитие ребёнка с объективным стилем воспитания. Однако эмпирические данные свидетельствуют, что связь между стилем и нравственным результатом не является линейной.

Причина лежит в различении объективной и субъективной сторон родительского отношения. Объективная сторона – то, что реально делает родитель (требования, контроль, наказания, поощрения). Субъективная – то, как ребёнок воспринимает эти действия.

В подростковом возрасте субъективная сторона приобретает особое значение. Исследования О.Н. Арестовой и С.Х. Махмудовой [1] показывают, что на осознанном уровне родители воспринимаются позитивнее, чем на неосознанном. Это означает, что неосознаваемое отвержение может не фиксироваться подростком, но при этом деформировать его ценностную сферу.

Таким образом, нравственно-психологические регуляторы – не просто «стиль воспитания», а система, в которой объективные тактики опосредуются субъективным восприятием ребёнка. Именно это опосредование определяет нравственный результат.

3. Родительская рефлексия как возможный медиатор

Если субъективное восприятие играет ключевую роль, возникает вопрос: что определяет его адекватность? Почему в одних семьях подросток воспринимает родителя реалистично, а в других – искажённо?

Предполагается, что ответ связан с родительской рефлексией. Логика модели:

1. Родитель с высоким уровнем PRF способен представлять внутренний мир ребёнка и соотносить свои действия с их восприятием.

2. Это позволяет корректировать воспитательные тактики в ответ на обратную связь.

3. В результате рассогласование между объективным поведением родителя и его субъективным восприятием ребёнком минимизируется.

4. Родитель с низким PRF не учитывает субъективное восприятие ребёнка, не замечая, как его тактики интерпретируются подростком.

5. Накопление рассогласования проявляется в скрытом конфликте, нарушении обратной связи и – как следствие – в деформации ценностно–смысловой сферы подростка.

Концептуальная модель: *Стиль воспитания (объективный) → Родительская рефлексия (PRF) – медиатор → Субъективное восприятие родителя подростком → Духовно–нравственное развитие подростка*

Уточнение статуса гипотезы. PRF рассматривается как возможный медиатор. Альтернативная модель – модерация: PRF может усиливать или ослаблять связь между стилем и результатом, не являясь промежуточным звеном. В модели модерации эффект стиля воспитания на нравственное развитие был бы различным при высоком и низком PRF, но сам PRF не опосредовал бы эту связь. Выбор между моделями требует эмпирической проверки.

3.1. Психологический механизм связи PRF и нравственного развития

Ключевой вопрос: почему родительская рефлексия влияет на духовно-нравственное развитие подростка? Представляется возможным выделить три взаимосвязанных механизма.

Механизм 1: надёжная привязанность как условие интериоризации ценностей. Согласно теории привязанности (J. Bowlby, M. Ainsworth) [11], надёжная привязанность формируется при условии чувствительности родителя к сигналам ребёнка. Чувствительность, в свою очередь, опирается на способность родителя понимать внутренние состояния ребёнка – то есть на PRF. Надёжная привязанность создаёт базовое доверие к миру и значимому взрослому, без которого интериоризация нравственных норм затруднена: ребёнок усваивает ценности того, кому доверяет.

Механизм 2: эмпатическое понимание как модель морального отношения. Родитель с высоким PRF демонстрирует ребёнку модель понимающего отношения к другому: он видит за поведением внутренние состояния, не сводит поступок к внешнему факту. Такая модель способствует развитию у подростка моральной рефлексии – способности учитывать внутреннюю перспективу другого, что является ядром морального сознания (L. Kohlberg, M. Hoffman).

Механизм 3: удовлетворение базовых психологических потребностей. Согласно теории самодетерминации [12], для интериоризации ценностей необходимо удовлетворение потребностей в автономии, компетентности и связанности. Родитель с высоким PRF точнее распознаёт потребность подростка в автономии и не подменяет её контролем; он поддерживает связанность, не подавляя самостоятельность. Это создаёт условия для интегрированной (а не внешней) регуляции нравственного поведения.

Таким образом, PRF влияет на нравственное развитие не напрямую, а через создание психологических условий, при которых интериоризация ценностей становится возможной. Это соответствует культурно–исторической логике: внешние регуляторы (отношение родителя) переходят во внутренний план (нравственное самосознание подростка).

3.2. Операционализация модели для будущего исследования

Для эмпирической проверки модели необходимо следующее.

Стиль воспитания (объективный) измеряется с помощью опросника ADOR (подростковая версия), EMBU, PBI. Родительская версия требует валидации.

Родительская рефлексия (PRF) измеряется с помощью PRFQ (Parental Reflective Functioning Questionnaire) и RFS (Reflective Functioning Scale). PRFQ – самоотчётный; RFS – экспертный, на основе интервью.

Субъективное восприятие фиксируется через ADOR (подростковая версия) и сопоставляется с родительской версией.

Духовно–нравственное развитие диагностируется комплексной батареей: методика ценностных ориентаций М. Рокича, опросник Ш. Шварца, моральные дилеммы Л. Колберга.

Статистический анализ*предполагает медиационный анализ (bootstrapping, PROCESS) для проверки модели медиации и альтернативы модерации.

Дизайн. Поперечное исследование с участием диад «родитель – подросток» ($N \geq 150$ диад для медиационного анализа). Возможно? лонгитюдное продолжение для проверки каузальной направленности.

4. Альтернативные объяснения и ограничения модели

Предлагаемая модель не является единственно возможной. Следует учитывать:

1. Генетические факторы. Темперамент ребёнка может влиять на стиль родительского поведения (эффект «ребёнок → родитель»).

2. Влияние сверстников. В подростковом возрасте роль сверстников в формировании ценностей возрастает.

3. Культурные различия. Стили воспитания и их восприятие различаются в разных культурах.

4. Эффект порядка рождения. Единственный ребёнок и сиблинги находятся в разных условиях.

5. Социальная желательность. Ответы родителей и подростков могут искажаться в сторону нормативных ожиданий.

Модель также не учитывает динамику семейных отношений: PRF не является стабильной характеристикой и может меняться под влиянием стресса, терапевтических интервенций, возрастных кризисов.

Ограничения работы. Настоящее исследование является теоретическим; модель не проверена эмпирически. Понятие «нравственно–психологические регуляторы» используется как рабочее. Операционализация модели требует валидизированных методик измерения PRF и духовно–нравственного развития на русскоязычной выборке.

Выводы

1. Нравственно–психологические регуляторы – эмоционально–регулятивный компонент внутрисемейного взаимодействия, включающий эмоциональный, поведенческий и когнитивный аспекты. Они не сводятся к стилю воспитания.

2. Стиль воспитания – объективная характеристика родительского поведения. Однако для нравственного развития подростка не менее значима субъективная сторона – восприятие родительского отношения самим подростком.

3. Духовно–нравственное развитие – процесс укрепления ценностно–смысловой сферы личности, формирования нравственного самосознания и способности к моральному выбору. В подростковом возрасте ведущим механизмом выступает идентификация, опосредованная субъективным восприятием родителя.

4. Родительская рефлексия (PRF) может выполнять mediating–функцию, опосредуя связь между стилем воспитания и нравственным развитием подростка. Психологический механизм связи раскрывается через надёжную привязанность, эмпатическое понимание и удовлетворение базовых психологических потребностей. Это предположение требует эмпирической проверки и сопоставления с альтернативной моделью модерации.

5. Теоретическая значимость работы состоит в уточнении понятийного аппарата, разграничении объективной и субъективной сторон родительского отношения и обосновании концептуальной модели. Практическая значимость – в обосновании предположения о целесообразности рефлексивно–ориентированного подхода в семейном консультировании.

Заключение. Проведённый теоретический анализ позволяет сформулировать гипотезу для будущего эмпирического исследования: родительская рефлексия является возможным медиатором связи между стилем воспитания и духовно–нравственным развитием подростка. Для проверки необходимы: выборка достаточного объёма ($N \geq 150$ диад); валидизированные методики измерения PRF (PRFQ, RFS); методики диагностики духовно–нравственного развития (ценностные ориентации, морально–этическая ориентация); статистическая обработка (медиационный анализ). Перспективой является лонгитюдный дизайн, позволяющий проверить каузальную направленность модели

Список литературы:

1. Арестова О. Н., Махмудова С. Х. Субъективная презентация семейных отношений на разных уровнях осознанности // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. – 2018. – № 3. – С. 55–73.
2. Выготский Л. С. Психология развития человека. – М.: Смысл, 2005. – 1136 с.
3. Захарова Е. И., Карабанова О. А. Особенности детско–родительских отношений в подростковом возрасте // Национальный психологический журнал. – 2023. – № 1 (49). – С. 55–67.
4. Карабанова О. А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. – М.: Гардарики, 2005. – 320 с.
5. Леонтьев Д. А. Психология смысла. – М.: Смысл, 2003. – 487 с.
6. Спиваковская А. С. Психотерапия: игра, детство, семья. – М.: ЭКСМО–Пресс, 2000. – 464 с.
7. Целуйко В. М. Психология современной семьи. – М.: ВЛАДОС, 2004. – 288 с.
8. Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В. В. Психология и психотерапия семьи. – СПб.: Питер, 2008. – 672 с.
9. Ainsworth M. D. S., Blehar M. C., Waters E., Wall S. Patterns of Attachment. – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1978.

10. Baumrind D. Current patterns of parental authority // *Developmental Psychology Monographs*. – 1971. – Vol. 4, № 1. – P. 1–103.
11. Bowlby J. *Attachment and Loss*. Vol. 1: *Attachment*. – New York: Basic Books, 1969.
12. Deci E. L., Ryan R. M. Self-determination theory: A macrotheory of human motivation, development, and health // *Canadian Psychology*. – 2008. – Vol. 49, № 3. – P. 182–185.
13. Fonagy P., Target M. Attachment and reflective function: Their role in self-organization // *Development and Psychopathology*. – 1997. – Vol. 9, № 4. – P. 679–700.
14. Hoffman M. L. *Empathy and Moral Development*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
15. Kohlberg L. *Essays on Moral Development*. Vol. 1: *The Philosophy of Moral Development*. – San Francisco: Harper & Row, 1981.
16. Luyten P., Nijssens L., Fonagy P., Mayes L. C. Parental reflective functioning: Theory, research, and clinical applications // *The Psychoanalytic Study of the Child*. – 2017. – Vol. 70, № 1. – P. 174–199.
17. Schaefer R. A configurational analysis of children's reports of parent behavior // *Journal of Consulting Psychology*. – 1965. – Vol. 29, № 6. – P. 552–557.
18. Slade A. Parental reflective functioning: An introduction // *Attachment & Human Development*. – 2005. – Vol. 7, № 3. – P. 269–281.
19. Suchman N. E., DeCoste C. L., McMahon T. J. et al. Mentalizing makes parenting work: A review about parental reflective functioning and clinical interventions to improve it // *Frontiers in Psychology*. – 2017. – Vol. 8. – Art. 14

